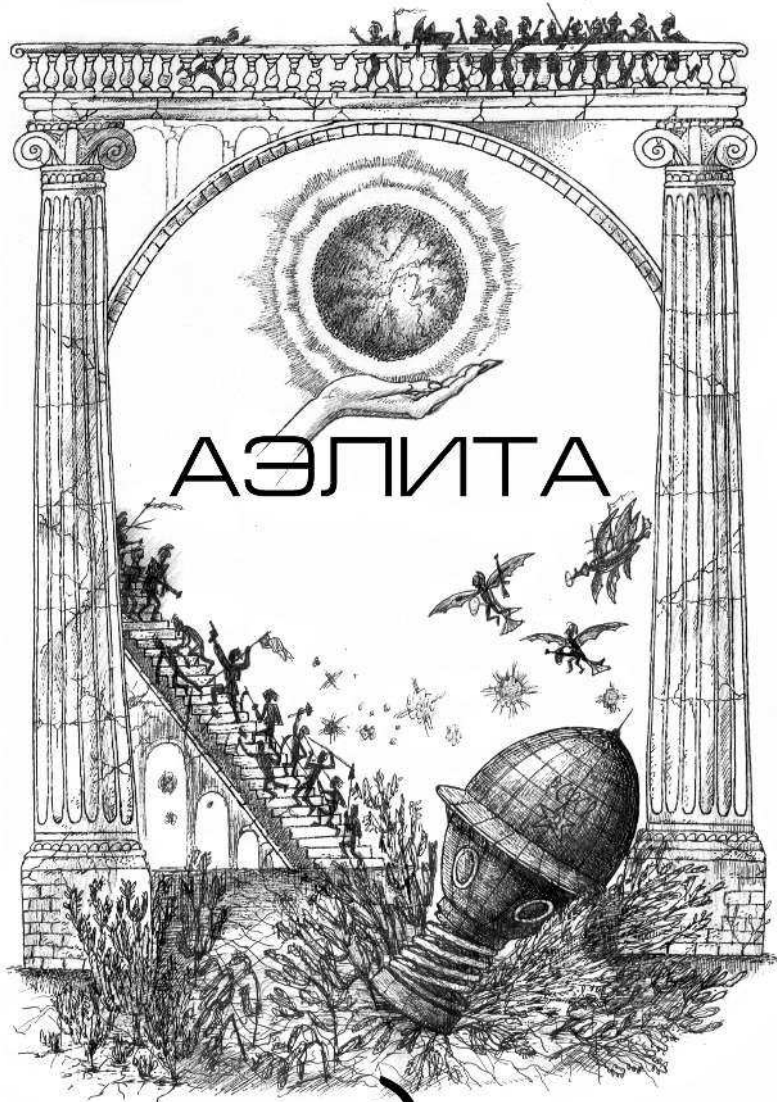

НАША
ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА

Алексей Толстой

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Разработка серийного оформления *А. Старикова*

В оформлении обложки использован рисунок
художника *А. Дубовика*

В оформлении марки серии
использована иллюстрация
Ralwel / Istockphoto / Thinkstock/ Gettyimages.ru

Толстой, Алексей Николаевич.

Т52 Аэлита / Алексей Толстой. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-091768-6

В начале двадцатых годов XX века крупнейшие ра-
диостанции мира приняли таинственное сообщение с
Красной планеты. Русский инженер Мстислав Лось и
красноармеец Алексей Гусев отправляются на Марс, где
обнаруживают высокоразвитую цивилизацию в период
революционной борьбы.

Вот уже почти сто лет история любви марсианской
принцессы Аэлиты к земному инженеру волнует сердца
миллионов читателей всего мира...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091768-6 © А. Н. Толстой, наследники, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Странное объявление

В четыре часа дня, в Петербурге, на проспекте Красных Зорь, появилось странное объявление, — небольшой, серой бумаги листок, прибитый гвоздиками к облупленной стене пустынного дома.

Корреспондент американской газеты, Арчибальд Скайльс, проходя мимо, увидел стоявшую перед объявлением босую молодую женщину в ситцевом опрятном платье, — она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо женщины не выражало удивления, — глаза были равнодушные, ясные, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу.

Объявление заслуживало большого внимания. Скайльс, любопытствуя, прочел его, придвинулся ближе, провел рукой по глазам, перечел еще раз:

— Twenty three, — проговорил он наконец, что должно было означать: «Черт возьми меня с моими костями».

В объявлении стояло:

«Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс, явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе».

Это было написано — обыкновенно и просто, обыкновенным чернильным карандашом. Невольно Скайльс взялся за пульс: обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, стрелка красенького циферблата показывала 14 августа.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но объявление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно. Дул ветер по пустынному проспекту Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми — ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо ее было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес

Лося. В это время перед объявлением остановился рослый широкоплечий человек без шапки, по одежде — солдат, в рубашке без пояса, в обмотках. Руки у него от безделья были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать объявление.

— Вот этот, вот так замахнулся — на Марс! — проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое беззаботное лицо. На виске у него, наискосок, белел шрам. Глаза — ленивые, серо-карие, и так же, как у той женщины, — с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах, и даже поминал о ней в статье: «...Отсутствие в их глазах определенности, неустойчивость, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства — крайне болезненно действуют на свежего человека».)

— А вот взять и полететь с ним, очень просто, — опять сказал солдат и усмехнулся простодушно и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса.

Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, все так же неподвижно стоявшую около корзинки. Кивнув подбородком, он сказал ей:

— Маша, ты что стоишь? (Она быстро мигнула.) Ну, и шла бы домой. (Она переступила пыльными небольшими ногами, и видно было, как вздохнула, нагнула голову.) Иди, иди, я скоро приду.

Женщина подняла корзину и пошла. Солдат сказал:

— В запас я уволился вследствие контузии. Хожу — вывески читаю, — скука страшная.

— Вы думаете пойти по этому объявлению? — спросил Скайльс.

— Обязательно пойду.

— Но ведь это вздор — лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров...

— Что говорить — далеко.

— Это шарлатанство или — бред.

— Все может быть.

Скайльс, тоже теперь прищурясь, оглянул солдата, вспыхнул гневно и пошел по направлению к Неве — шагал уверенно и широко. В сквере он сел на скамью, засунул руки в карман, где прямо в кармане, как у старого курильщика и делового человека, лежал табак, одним движением большого пальца набил трубку, закурил и вытянул ноги.

Шумели старые липы в сквере. Воздух был влажен и тепел. На куче песку, один во всем

сквере, видимо уже давно, сидел маленький мальчик в грязной рубашке горошком и без штанов. Ветер поднимал время от времени его светлые и мягкие волосы. В руке он держал конец веревочки, к другому концу веревочки была привязана за ногу старая взлохмаченная ворона. Она сидела недовольная и сердитая и так же, как и мальчик, глядела на Скайльса.

Вдруг, — это было на мгновение, — будто облачко скользнуло по его сознанию, стало странно, закружилась голова: не во сне ли он все это видит?.. Мальчик, ворона, пустые дома, пустынные улицы, странные взгляды прохожих и приколоченное гвоздиками объявление, — кто-то зовет лететь из этого города в звездную пустыню.

Скайльс глубоко затянулся крепким табаком. Усмехнулся. Развернул план Петербурга и, водя по нему концом трубки, отыскал Ждановскую набережную.

В мастерской Лося

Скайльс вошел на плохо мощеный двор, заваленный ржавым железом и бочонками от цемента. Чахлая трава росла на грудях мусора, между спутанными клубками проволок, поломанными частями станков. В глубине двора отсвечивали закатом пыльные окна высокого сарая. Небольшая дверца в нем была приотворена, на пороге сидел на корточках рабочий и размешивал в ведерке кирпично-красный сурик. На вопрос Скайльса — здесь ли можно видеть инженера Лося, рабочий кивнул вовнутрь сарая. Скайльс вошел.

Сарай едва был освещен — над столом, заваленным чертежами и книгами, горела электрическая лампочка в жестяном конусе. В глубине сарая возвышались до потолка леса. Здесь же пылал горн, раздуваемый рабочим. Сквозь балки лесов поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сфери-

ческого тела. Сквозь раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря.

Рабочий, раздувавший горн, проговорил вполголоса:

— К вам, Мстислав Сергеевич.

Из-за лесов появился среднего роста крепко сложенный человек. Густые, шапкой, волосы его были снежно-белые. Лицо — молодое, бритое, с красивым большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось, летящими впереди лица немигающими глазами. Он был в холщовой грязной, раскрытой на груди рубашке, в заплатанных штанах, перетянутых веревкой. В руке он держал запачканный, порванный чертеж. Подходя, он попытался застегнуть на груди рубашку на несуществующую пуговицу.

— Вы по объявлению? Хотите лететь? — спросил он глуховатым голосом и указал Скайльсу на стул под конусом лампочки, сел напротив у стола, швырнул чертеж и стал набивать трубку. Это и был инженер М.С. Лось.

Опустив глаза, он раскуривал трубку, — спичка осветила снизу его крепкое лицо, две морщины у рта — горькие складки, широкий вырез ноздрей, длинные, темные ресницы. Скайльс остался доволен осмотром. Он объ-

яснил, что лететь не собирается, но что прочел объявление на проспекте Красных Зорь и считает долгом познакомить своих читателей со столь чрезвычайным и сенсационным проектом междупланетного сообщения. Лось слушал, не отрывая от него немигающих светлых глаз.

— Жалко, что вы не хотите со мной лететь, жалко. — Он качнул головой. — Люди шарахаются от меня, как от бешеного. Через четыре дня я покидаю Землю и до сих пор не могу найти спутника. — Он опять зажег спичку, пустил клуб дыма. — Какие вам нужны данные?

— Наиболее выпуклые черты вашей биографии.

— Это никому не нужно, — сказал Лось, — ничего замечательного. Учился на медные деньги, с двенадцати лет сам их зарабатываю. Молодость, годы учения, нищета, работа, служба, за тридцать пять лет — ни одной черты, любопытной для ваших читателей, ничего замечательного, кроме... — Лось вытянул нижнюю губу, вдруг насупился, резко обозначились морщины у рта. — Ну, так вот... Над этой машиной, — он ткнул трубкой в сторону лесов, — работаю давно. Постройку начал год тому назад. Все!

— Во сколько приблизительно месяцев вы думаете покрыть расстояние между Землей и Марсом? — спросил Скайльс, глядя на кончик карандаша.

— В девять или десять часов, я думаю, не больше.

Скайльс сказал на это — ага, — затем покраснел, зашевелились желваки у него на скулах:

— Я бы очень был вам признателен, — проговорил он с вкрадчивой вежливостью, — если бы у вас было доверие ко мне и серьезное отношение к нашему интервью.

Лось положил локти на стол, закутался дымом, сквозь табачный дым блеснули его глаза:

— Восемнадцатого августа Марс приблизится к Земле на сорок миллионов километров, — сказал он, — это расстояние я должен пролететь. Из чего оно складывается? Первое — высота земной атмосферы — 75 километров. Второе — расстояние между планетами в безвоздушном пространстве — 40 миллионов километров. Третье — высота атмосферы Марса — 65 километров. Для моего полета важны только эти 135 километров воздуха.

Он поднялся, засунул руки в карманы штанов, голова его тонула в тени, в дыму, — освещены были только раскрытая грудь и волосатые руки с закатанными по локоть рукавами.

— Обычно называют полетом — полет птицы, падающего листа, самолета. Но это не полет, а плавание в воздухе. Чистый полет — это падение, когда тело движется под действием толкающей его силы. Пример — ракета. В безвоздушном пространстве, где нет сопротивления, где ничто не мешает полету — ракета будет двигаться со все увеличивающейся скоростью, очевидно, там я могу достичь скорости света, если не помешают магнитные влияния. Мой аппарат построен именно по принципу ракеты. Я должен буду пролететь в атмосфере Земли и Марса 135 километров. С подъемом и спуском это займет полтора часа. Час я кладу на то, чтобы выйти из притяжения Земли. Далее, в безвоздушном пространстве я могу лететь с любой скоростью. Но есть две опасности: от чрезмерного ускорения могут лопнуть кровеносные сосуды, и второе — если я с огромной быстротой влечу в атмосферу Марса, то удар в воздух будет подобен тому, как будто я вонзился в песок. Мгновенно аппарат и все, что в нем, превратятся в газ. В межзвездном пространстве носятся осколки планет, нерожденных или погибших миров. Вонзаясь в воздух, они сгорают мгновенно. Воздух — почти непроницаемая броня. Хотя на Земле она, по видимому, однажды была пробита.

Лось вынул руку из кармана, положил ее ладонью вверх на стол, под лампочкой, и сжал пальцы в кулак.

— В Сибири, среди вечных льдов, я откапывал мамонтов, погибших в трещинах земли. Между зубами у них была трава, они паслись там, где теперь льды. Я ел их мясо. Они не успели разложиться. Они замерзли в несколько дней, их замело снегами. Видимо, отклонение земной оси произошло мгновенно. Земля столкнулась с огромным небесным телом, либо у нас был второй спутник, меньший, чем Луна. Мы втянули его, и он упал, разбил земную кору, отклонил полюсы. Быть может, от этого именно удара погиб материк, лежавший на запад от Африки в Атлантическом океане. Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придется сильно затормозить скорость. Поэтому я кладу на весь перелет в безвоздушном пространстве — шесть-семь часов. Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Берлин.

Лось отошел от стола и повернул выключатель. Под потолком зашипели, зажглись дуговые фонари. Скайльс увидел на дощатых стенах чертежи, диаграммы, карты. Полки с оптическими и измерительными инстру-